

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПЬЕР ЛЕМЕТР

ЗМЕИ
В ЕЕ
ГОЛОВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Пьер Леметр

Змеи в ее голове

Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67635519

*Змеи в ее голове: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-389-21201-5*

Аннотация

Женщина за рулем, владелица годовалого далматинца, едет по шоссе и очень нервничает: на дорогах пробки, а ей сегодня никак нельзя опоздать. Чудом добравшись до места вовремя, она выходит из машины и прямо на улице хладнокровно расстреливает какого-то мужчину и его таксу. Женщина поступает так не в пылу раздражения, а потому, что это ее работа. Она – профессиональный наемный убийца.

Таково первое в череде все более кровавых преступлений, совершенных средь бела дня и абсолютно необъяснимых. Убийца даже особо не прячется, но парижская полиция все равно в тупике. Никому и в голову не приходит заподозрить почтенную вдову, бывшую героиню французского Сопротивления, а она между тем продолжает свое дело, все глубже погружаясь в очень одинокое безумие, ввергая в ужас не только своих жертв, но и заказчиков и раз за разом выходя сухой из воды...

Французский писатель и сценарист, блестящий стилист и тонкий психолог Пьер Леметр, любимец читателей и критиков, удостоенный Гонкуровской премии и других престижных наград за роман «До свидания там, наверху», прощается с жанром нуара, публикуя свой самый первый, но лишь теперь увидевший свет роман – жуткую и завораживающую историю жестокости, старения, одиночества и безумия.

Содержание

Предисловие	6
5 мая 1985 года	11
6 мая 1985 года	44
5 сентября 1985 года	57
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Пьер Леметр

Змеи в ее голове

*Моим племянницам Ларе, Кате, Ванессе
и Виолетте – с любовью*

Посвящается Паскалине

Pierre Lemaitre
LE SERPENT MAJUSCULE

Copyright © Éditions Albin Michel – Paris, 2021

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

© М. И. Брусовани, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Предисловие

Читатели довольно часто спрашивают меня, собираюсь ли я однажды «вернуться к триллеру, к так называемому нуару». Обычно я отвечаю, что это маловероятно, – иными словами, я совершенно убежден, что не вернусь. Однако на меня производит тягостное впечатление тот факт, что я собираюсь уйти без предупреждения. То есть ни с кем не простившись. А это не в моем духе.

Это объясняется тем, что с нуаром я расстался, сам того не желая. «До свидания там, наверху» – это не что иное, как исторический детектив. Он принял скверный оборот, однако развернул меня к литературному проекту о XX веке, который продолжает воодушевлять меня и отдалять от нуара.

Этот вопрос (то, что я, не простившись, расстался с этим жанром) продолжает огорчать меня, тем более что к концу трилогии *Les Enfants du désastre*¹ я приладил «Словарь влюбленных в детектив» (изд. *Plon*), который в некотором роде усилил мое сожаление.

Тогда я вспомнил о написанном в 1985 году романе, который еще никогда не отправлял ни одному издателю. Вско-

¹ В трилогию *Les Enfants du désastre* («Дети катастрофы») входят романы: «До свидания там, наверху» (*Au revoir la-haut*, 2013); «Горизонт в огне» (*Couleurs de l'incendie*, 2018) и «Зеркало наших печалей» (*Miroir de nos peines*, 2020). – *Здесь и далее примеч. перев.*

ре после его завершения в моей жизни начался сложный период. Когда он закончился, все уже было совсем не так, как прежде. Тот роман оказался слишком далеким от меня. И попал в ящик, чтобы больше никогда из него не выйти.

Однако составление «Словаря влюбленных» показалось мне отличным поводом этот роман перечитать.

Я столкнулся с несколькими приятными сюрпризами. Это довольно сумеречный роман, и я был удивлен, что в нем уже присутствует определенное количество сюжетов, мест и типов персонажей, которые я разовую впоследствии.

Действие книги происходит в 1985 году, в счастливом времени уличных телефонов-автоматов и карт автомобильных дорог, когда писатель мог не опасаться, что его история станет невозможной из-за мобильного телефона, навигатора, социальных сетей, камер наблюдения, системы распознавания по голосу, ДНК, централизованных цифровых картотек и так далее.

За мной закрепилась репутация автора, который дурно относится к своим персонажам, и уже с первого романа этот упрек, на мой взгляд, оправдан. Читатель не всегда легко сносит страдания персонажа, к которому привязался. Впрочем, в жизни ведь это случается, верно? Друг, в течение нескольких минут унесенный инфарктом, товарищ, сраженный нарушением мозгового кровообращения, родственник, ставший жертвой дорожного происшествия, – в этом нет никакой справедливости. С чего бы романисту быть деликат-

нее, чем сама жизнь? Но то, что мы принимаем от жизни, мы не всегда готовы простить сочинителю. Потому что у него-то был выбор сделать иначе... А он этим выбором не воспользовался.

По-моему, в детективном жанре эта критика менее обоснована, чем во всех прочих. Именно в нем вполне предсказуемо обнаружить преступление и кровь, так что чересчур чувствительные могут выбрать другое чтение. И все же для некоторых читателей жестокость сюжета должна «держаться в определенных границах». Лично я убежден, что читатель ждет крови, смертей – иными словами, несправедливости – и что по своей реакции он просто определяет собственную неспособность повстречаться с ней.

Итак, вот мой первый роман.

Как обычно бывает в подобных случаях, принципиальный читатель будет судить о нем со всей строгостью, а дружелюбный – с благожелательностью. Перечитав его, я обнаружил множество недостатков, и когда пришла пора подумать о публикации, встал вопрос о том, насколько серьезную правку мне предстоит внести.

В 1946 году в предисловии к переизданию своего романа «О дивный новый мир» Олдос Хаксли писал: «Но бесконечно корпеть над изъянами двадцатилетней давности, доводить с помощью заплаток старую работу до совершенства, не достигнутого изначально, в зрелом возрасте пытаться исправлять ошибки, совершенные и завещанные тебе тем дру-

гим человеком, каким ты был в молодости, безусловно, пустая и напрасная затея»². «Дефекты его как произведения искусства существенны; но, чтобы исправить их, мне пришлось бы переписать вещь заново...» – признается он далее.

То же самое мог бы сказать и я.

Так что мне показалось наиболее верным представить читателям роман приблизительно в том виде, в каком он был написан. Я исправил несколько пассажей, которые затрудняли понимание. В остальном же внесенные мною изменения чаще всего носят характер косметический, но ни в коем случае не структурный.

«Черный» роман – нередко циркулярный: повествовательный цикл замыкается на себе самом.

А потому я счел достаточно логичным, чтобы моим последним опубликованным «черным» романом стал... именно первый, мною написанный.

П. Л.

Соседка:

– Я думаю, она алкоголичка. Видал, как у нее дрожит губа?

Сосед:

– Ее трясет. Наверное, она во власти Зла.

² Перевод О. Сороки, В. Бабкова.

Должно быть, в голове у нее змеи.
*Жерар Обер. Конфликт*³

* * *

³ «Конфликт» (*Le Differend*, 1986) – пьеса французского писателя Жерара Обера (Gerard Aubert, р. 1951).

5 мая 1985 года

Матильда нетерпеливо постукивала по рулю указательным пальцем.

Вот уже больше получаса автомобили на трассе исполняли медленный вальс, а она все еще находилась в десяти километрах от тоннеля Сен-Клу. Движение замерло на долгие минуты, затем внезапно горизонт освободился, и прижатый к барьерному ограждению «Рено-25» сунулся влево и поехал: шестьдесят, семьдесят, восемьдесят... а потом снова резко остановился. Эффект аккордеона. Она еще поборется. Кстати, она приняла все меры предосторожности: выехала сильно заранее, как можно дольше оставалась на шоссе и решила съехать на платную автотрассу только после того, как навигатор сообщил, что там нет пробок.

– И все это ради того, чтобы вляпаться в подобное дерьмо...

Обычно Матильда говорит скорее красиво, она не из тех, кому хочется казаться вульгарной. Только наедине с собой она может допустить грубость, просто для разрядки.

– Надо было поехать в другое время...

Ее удивляло собственное легкомыслие. Еще никогда она не поступала столь непредусмотрительно. Опоздать в такой день! Матильда ударила по рулю кулаком; она была страшно зла на себя.

Матильда придвинула кресло поближе к рулю, потому что у нее короткие руки. Ей шестьдесят три года, она маленькая, толстая и тяжелая. Глядя на ее лицо, можно догадаться, что прежде она была хороша собой. Даже очень хороша. На нескольких фотографиях времен войны это необыкновенно изящная и очень чувственная девушка с гибкой фигурой и светлыми волосами, которые обрамляют смеющееся лицо. Теперь, разумеется, все увеличилось: подбородок, грудь, задница, однако она сохранила голубые глаза, четко очерченные губы и некую гармонию в лице, напоминающую о ее былой красоте. Если со временем ее тело стало дряблым, то к остальному, то есть к деталям, Матильда по-прежнему была внимательна: роскошная дорогая одежда (на это у нее есть средства), еженедельный визит к парикмахеру, профессиональный макияж, а главное, самое главное – руки с великолепным маникюром. Она может пережить появление новых морщин, упорно прибывающие килограммы, но не стерпела бы неухоженных рук.

Из-за избыточного веса (нынче утром весы показали семьдесят восемь килограммов) она страдала от жары. Дорожная пробка – это настоящая пытка. Матильда ощущала, как по ложбинке между грудями стекают струйки пота, – наверняка и ляжки совсем мокрые. Она нетерпеливо ждала, когда движение восстановится, чтобы воспользоваться сквознячком, который ворвется в опущенное окно и освежит ее лицо. Возвращение в Париж оказалось столь же мучитель-

ным, как и проведенные у дочери в Нормандии выходные; это было почти невыносимо. Они непрестанно играли в карты. Ее зять, этот придурок, непременно хотел посмотреть по телевизору Гран-при «Формулы-1», а в довершение всего в субботу подали маринованный порей, и Матильда потом всю ночь его переваривала.

– Надо было уехать вчера вечером.

Она бросила взгляд на приборную доску с часами, и с ее губ снова слетело бранное слово.

На заднем сиденье поднимает голову Людо. Это крупный годовалый далматинец с глупым взглядом и нежным сердцем. Время от времени он открывает один глаз, смотрит на тяжелый затылок своей хозяйки и вздыхает. Он не всегда полностью доверяет ей: у нее частенько меняется настроение, особенно в последнее время. Сначала все шло хорошо, но сейчас... Нередко ему случается схлопотать пинок под ребра, и он никогда не знает за что. Но он пес компанейский, из тех, что привязываются к хозяйке и не меняют своих взглядов даже в дурные дни. Просто он немножко остерегается ее, особенно когда чувствует, что она взвинчена. Сегодня как раз такой случай. Видя, как она дергается за рулем, он предусмотрительно ложится и притворяется мертвым.

С тех пор как Матильда выехала на трассу, она вот уже в двадцатый раз мысленно прикидывает путь до авеню Фоша. По прямой она была бы там меньше чем через пятнадцать минут, но остается тоннель Сен-Клу, а это настоящее бед-

ствие... Ни с того ни с сего она вдруг разъяряется на весь мир, а в особенности на дочь, которая вообще ни при чем, но это соображение Матильду не останавливает. Каждый раз, приезжая к дочери, она испытывает смертельное отвращение при виде этого по-мещански нелепого деревенского дома. Зять возвращается с тенниса, широко улыбаясь, с небрежно наброшенным на шею полотенцем, как в телевизионной рекламе. Когда дочь занимается садом, можно подумать, будто это Мария-Антуанетта в Малом Трианоне. Для Матильды это зрелище – постоянное подтверждение того, что ее дочь умом не блещет, иначе с чего бы она вышла за такого идиота... Да к тому же американского. Но главное – идиота. Короче, за американца. К счастью, детей у них нет, и Матильда всерьез надеется, что ее дочь бесплодна. Или он. Неважно, кто из них, потому что она даже вообразить не осмеливается, что за детишки у них могли бы получиться... Мерзкие рожи, гаденыши. Матильда любит собак, а детей ненавидит. Особенно девочек.

– Я несправедлива, – говорит она себе, однако на самом деле так не думает.

Это из-за пробок. В те дни, когда она работает, все примерно так же: нервозность, нетерпеливость, окружение, да еще прибавьте к этому дорожное движение по выходным... А если бы пришлось перенести на следующее воскресенье? Она может сколько угодно размышлять об этой работе, но не видит никакой иной возможности, кроме нынешнего вос-

кресенья. Недельное опоздание... такого с ней еще не бывало.

А потом неожиданно, никто бы не понял, с чего вдруг, очередь из автомобилей внезапно рассасывается.

Необъяснимым образом «Рено-25» проносится через тоннель Сен-Клу и в считанные секунды выскакивает на окружающую дорогу. Заметив, что движение по-прежнему плотное, но автомобили едут, Матильда чувствует, как ослабевает напряжение в теле. У нее за спиной с облегчением вздыхает Людо. Матильда жмет на газ и выходит из ряда, чтобы обогнать плетущуюся перед ней машину, но тут же возвращается на место, вспомнив, что здесь полно полицейских радаров. Не делать глупостей. Она предусмотрительно встраивается в средний ряд за чудовищно дымящим «пежо» и улыбается: затаившаяся в Воротах Дофина морда радара внезапно направляет луч на левый ряд, который Матильда только что покинула.

Ворота Майо, авеню Великой Армии.

Матильда избегает кругового движения по площади Звезды, сворачивает направо и спускается к авеню Фоша. Она снова спокойна. Двадцать один тридцать. Она приехала чуть-чуть раньше. Как раз то, что нужно. А ведь была на волосок от опасности. И еще не может прийти в себя. Возможно, удача – составляющая таланта, поди знай. Она сворачивает в боковую аллею, останавливается на пешеходном переходе, выключает двигатель, но оставляет зажженными га-

баритные огни.

Вообразив, что он уже дома, Людо на заднем сиденье вскакивает и начинает поскуливать. Матильда поднимает глаза к зеркалу заднего вида:

– Нет!

Она произносит это резко и безапелляционно, не повышая голос. Пес тотчас снова ложится, бросает на нее скорбный взгляд и, подавив вздох, закрывает глаза.

Тогда Матильда надевает очки, висящие у нее на шее на тоненькой цепочке, и роется в бардачке. Оттуда она достает какой-то документ, который собирается в очередной раз изучить, когда в нескольких десятках метров дальше отъезжает автомобиль. Матильда спокойно занимает освободившееся место, снова глушит двигатель, снимает очки, откидывается на подголовник и тоже закрывает глаза. Какое чудо, что она наконец здесь и вовремя. Она обещает себе впредь быть предусмотрительней.

На авеню Фоша царит полный покой, – должно быть, здесь очень приятно жить.

Матильда опускает стекло. Теперь, когда машина неподвижна, дышать в ней становится тяжеловато, пахнет далматинцем и потом. Хочется под душ. Позже. В зеркале заднего вида она видит вдали мужчину, выгуливающего свою собаку по боковой аллее. Матильда выпускает тяжелый вздох. Там, на авеню, стремительно мчатся малочисленные в этот час автомобили. Воскресенье. Высокие платаны едва трепе-

шут. Ночь будет душная.

Хотя Людо спокойно лежит на месте, Матильда оборачивается к нему и, наставив на пса указательный палец, приказывает:

– Лежать, не шевелиться, ясно?

Он покоряется.

Она отворяет дверцу, хватается обеими руками за кузов и с трудом выбирается из машины. Надо бы сбросить вес. Юбка задралась и смялась на ее огромной заднице. Она привычным жестом тянет за подол. Обойдя машину, открывает пассажирскую дверь, достает тонкий дождевик, надевает. Легкий теплый ветерок лениво колышет у нее над головой высокие деревья. Слева приближается мужчина с собакой; это такса, она обнюхивает колеса и натягивает поводок. Таксы Матильде нравятся, у них славный характер. Мужчина улыбается ей. Вот так порой завязываются знакомства: у обоих собаки, вы говорите о собаках, сходитесь. Тем более что мужчина с собакой еще очень даже ничего, ему от силы полтинник. В ответ Матильда тоже улыбается и вынимает правую руку из кармана. Заметив пистолет «дезерт игл» с глушителем, мужчина резко останавливается. Верхняя губа Матильды рефлекторно хищно приподнимается. В долю секунды ствол направляется мужчине в лоб, но тут же падает, и Матильда стреляет ему в гениталии. В изумлении он тарашит глаза – информация еще не поступила в мозг; он сгибается пополам, наконец морщится и без единого звука

валится на землю. Матильда с трудом переворачивает тело. Между ногами у него расплывается коричневое пятно и медленно растекается по тротуару. Мужчина так и остается с открытыми от неожиданности и ошеломительной боли глазами и ртом. Матильда наклоняется и пристально разглядывает его. Он не умер. На лице Матильды можно было бы прочесть странную смесь удивления и удовлетворения. Как у толстого ребенка, с восхищением обнаружившего невиданное насекомое. Она не сводит глаз со рта, из которого короткими волнами изливается омерзительно пахнущая кровь. Кажется, Матильде хочется что-то сказать, от нервного возбуждения у нее дрожат губы и чуть подергивается левый глаз. Она приближает ствол оружия, приставляет его прямо к середине лба лежащего человека и издает что-то вроде хрипа. Похоже, глаза мужчины вот-вот вылезут из орбит. Матильда внезапно передумывает и стреляет ему в горло. От выстрела голова словно бы отделяется от шеи. Матильда с отвращением отступает. Сцена длится не больше тридцати секунд. Тут она вспоминает об оцепенелой от страха, напряженной и перепуганной таксе на поводке. Собака поднимает на нее одурелый взгляд и тоже получает пулю в голову. От выстрела половины таксы как не бывало, а то, что осталось, – это просто рваный кусок мяса.

Матильда оборачивается, оглядывает авеню. Все по-прежнему спокойно. Автомобили невозмутимо проносятся мимо. Тротуар пуст, как подобает тротуару в квартале бога-

чей среди ночи. Матильда садится в машину, кладет оружие на пассажирское сиденье, включает зажигание и спокойно трогает с места.

Она с предосторожностью выезжает с боковой аллеи на авеню в сторону окружной дороги.

Людо, которого разбудил звук двигателя, поднимается на ноги и кладет голову на плечо Матильды.

Она снимает одну руку с руля, чтобы погладить морду далматинца, и ласково говорит:

– Хороший мальчик!

На часах двадцать один сорок.

* * *

Когда инспектор Васильев закончил свою работу, на часах было двадцать один сорок. В кабинете пахло потом. Единственное преимущество вечерних дежурств в уголовном розыске заключалось в том, что за это время он мог составить отчеты, которые давно был должен сдать комиссару Оччипинти: тот их требовал, но никогда не читал. «Сделайте мне обобщение, старина», – говорил шеф, горстями поглощая арахис. При одной мысли об этом запахе Васильеву становилось тошно...

Он, можно сказать, толком не пообедал и теперь мечтал открыть себе баночку... «Баночку чего?» – задумался он и мысленно заглянул в кухонный шкафчик. Горошек, зеленая

фасоль, тунец в масле, посмотрим... Он не гурман и не обжора. Бывало, он невозмутимо признавался: «Я не люблю есть». Присутствующие, кто бы то ни был, тотчас начинали восклицать: «Невероятно! Как можно не любить есть?» Это ошарашивало всех, словно какая-то аномалия, антиобщественное поведение. Даже антипатриотическое. Васильев преспокойно продолжал двенадцать месяцев в году питаться мясными консервами, крыжовенным джемом и сладкими напитками; его желудок все терпел. Такая диета кого угодно превратила бы в толстяка, а вот он уже десять с лишним лет не прибавлял ни грамма. Вдобавок он имел преимущество: не приходилось мыть посуду. У него на кухне не водилось никакой утвари – только мусорное ведро и столовые приборы из нержавеющей стали.

Однако баночка консервов, не важно, с каким содержанием, отступила на второй план в очередности его дел, потому что прежде ему было необходимо съездить в Нейи, чтобы навестить господина де ла Осрей.

– Он много раз просил, чтобы вы приехали, – сказала сиделка. – Видимо, он чем-то очень расстроен.

У нее сильный камбоджийский акцент. Ее зовут Теви; это молодая женщина невысокого роста, наверное, лет тридцати, чуть полноватая, на голову ниже Васильева, но, похоже, это ее не смущает. Она уже с месяц заботится о Мсье. Гораздо услужливее и любезнее, чем предыдущая, – та была приветлива, как тюремная дверь...

Да, приятная девушка. Васильеву прежде не представлялось случая по-настоящему с ней поговорить, ему не хотелось выглядеть, как... ну, вы понимаете...

— Видите ли, когда у тебя вечернее дежурство, всякий раз не знаешь, когда оно закончится... — оправдывался он.

— Да, у нас то же самое, — ответила Теви.

В ее голосе не было упрека, однако Васильев был из тех, кто постоянно чувствует себя в чем-то виноватым. Теви работала в очередь с другой сиделкой, но чаще дежурила она; впрочем, ему так и не удалось вникнуть в их расписание: по телефону почти всегда отвечает она, и встречает его, когда он наведывается к Мсье, тоже она.

— Перезвоните, когда закончите, — добавила Теви. — Я вам сообщу, стоит ли еще ехать...

Что означало: на ногах ли еще господин де ла Осрей и не слишком ли он устал. Старик много спал, и моменты бодрствования были непредсказуемы.

Поскольку в двадцать один сорок пять пришел коллега Майе, чтобы сменить Васильева, больше никаких отговорок не оставалось: значит, в Нейи.

Васильев был достаточно труслив, чтобы прибегать к уловкам, но слишком честен, чтобы придумывать оправдание.

Он нехотя надел куртку, погасил свет и понуро вышел в коридор, утомленный сегодняшним дурацким днем.

Васильев. Рене Васильев. Звучит по-русски, потому что

это и правда по-русски. Фамилия досталась ему от отца, высокого крупного мужчины с густыми усами, который навечно застывшим взглядом пристально смотрит из овальной рамки, помещенной в столовой на почетном месте – над буфетом. Папашу звали Игорь. Он соблазнил мамашу 8 ноября 1949 года и умер спустя три года, день в день, доказав таким образом, что он человек точный и пунктуальный. В течение этих трех лет он водил такси по всем парижским улицам, сделал мамаше маленького Рене, а потом как-то вечером, после пьянки со своими вусмерть напившимися русскими коллегами, которые умели плавать не лучше, чем он, упал в Сену. Его с трудом вытащили из воды, и он умер от сокрушительной пневмонии.

Вот почему фамилия Рене – Васильев.

Васильева зовут Рене, потому что мамаша хотела почтить своего отца – так что инспектор носит имя и фамилию двоих людей, с которыми никогда не был знаком.

От папашы он унаследовал рост (193 см), а от мамыши худобу (79 кг). От отца он получил высокий лоб, широкую грудь, тяжелую походку, светлые глаза и массивную челюсть. От матери – определенную склонность к флегматичности, неисчерпаемое терпение и непоколебимую порядочность. Кстати, что довольно забавно: с виду он крупный, нескладный, костистый, но внутри у него как будто бы пустота – наверняка это от отсутствия мускулатуры.

Лысеть он начал, едва ему стукнуло двадцать. Пять лет

спустя выпадение волос прекратилось с тем же коварством, с каким началось, оставив у него на макушке круглый облезлый пустырь – последнее свидетельство битвы, которую все эти годы вела его мать при помощи мазей, сырых яиц с уксусом и других чудодейственных средств. Васильев с невозмутимым спокойствием вытерпел этот решительный бой, в котором мамаша считала себя победительницей. Теперь это был тихий и упорный тридцатипятилетний мужчина. После смерти матери он жил один в квартире, которую прежде занимал вместе с ней и частично переделал, но не слишком. Что же до того малого, что осталось ему в наследство от семьи, то можно честно сказать, что, вообще-то, ничего хорошего. Кроме морского свитера и оловянной фляги, предназначенной для водки, на память о себе папаша оставил ему только господина де ла Осрей, которого Игорь – задолго до знакомства с мамашей – исправно возил утром, днем и вечером, почти как личный шофер. После смерти папашы расчувствовавшийся господин де ла Осрей решил выплачивать маленькому Рене стипендию, в которой очень нуждалась мамаша. Таким образом, в память о своем любимом такси возлюбленный благодетель субсидировал обучение Рене до получения им юридической лицензии и диплома об окончании Национальной школы полиции⁴. Господин де ла Осрей

⁴ *Национальная школа полиции (ENSP)* – французское высшее учебное заведение национальной полиции, готовящее комиссаров полиции и полицейских офицеров.

слыл бездетным (это следует проверить...) и не имеющим родственников (если это и не так, то они ведут себя очень скромно, Васильев никогда не видел у Мсье никого из них). Его имущество перейдет государству, которому он верой и правдой служил сорок три года в качестве префекта какого-то департамента (Эндр-и-Луара? Шер? Луара? Рене никогда не удавалось вспомнить), после чего воротился в министерство и возвел Игоря Васильева в ранг элитного водителя, то есть того, который возит элиту.

Прежде Рене размышлял, не было ли чего между мамашей и господином де ла Осрей, потому что, сами посудите, сыну таксиста ренту не выплачивают! В детстве он частенько воображал себя тайным сыном своего благодетеля. Но достаточно было вспомнить о том, как они с мамашей входили к нему в дни визитов, как робко, испуганно, но с чувством явного, сознательного достоинства мамаша здоровалась с Мсье, чтобы отвергнуть всякую мысль об этом. Что, кстати, даже немного обидно, потому что вдруг вся тяжесть долга, если таковой имелся, пала на одного Рене, который теперь не мог даже разделить его с мамашей.

Господин де ла Осрей был богат и наверняка даже более того, но у него было невыносимо тошнотворное дыхание, и этот смрад обволакивал Рене по два часа в месяц в тот день, когда мамаша возила его в Нейи, чтобы выразить признательность возлюбленному благодетелю. Теперь Мсье было восемьдесят семь лет. Его зловонное дыхание уже практиче-

ски не имело никакого значения по сравнению с еженедельными мучениями Рене: теперь ему было тягостно видеть, как Мсье стареет и стремительно теряет интерес ко всему.

Васильев прошел через кабинет Майе. Все спокойно, ничего нового. Он бы охотно задержался еще немного, но все-таки следовало решиться и отправиться в Нейи – раз уж надо, то хоть поскорее отделаться.

Его остановил телефонный звонок.

Майе весь обратился в слух. Оба взглянули на настенные часы, которые показывали двадцать один пятьдесят восемь. Убийство прямо посреди авеню Фоша. Позвонивший коллега задыхался, то ли от волнения, то ли потому, что бежал к телефону.

– Морис Кантен! – выкрикнул он.

Указывая на часы, Майе издал радостный вопль. Двадцать один пятьдесят девять! Васильев на дежурстве до двадцати двух, так что это его дело! Рене прикрыл глаза. Морис Кантен. Даже если вы не часто сталкиваетесь с САС 40⁵, вы все же имеете представление, о чем речь. Гражданское строительство, цементные заводы, нефть – что еще, Васильев точно не знал. Крупный французский предприниматель. В финансовых журналах его называли «президент Кантен». Как он выглядит, Васильев не помнил. Майе уже набрал номер

⁵ САС 40 – флагманский индекс Парижской фондовой биржи, привлекающий трейдеров и инвесторов, которые стремятся либо сохранить свой капитал, либо приумножить его в период роста фондового рынка.

комиссара.

Даже по телефону казалось, что Оччипинти что-то жует. Так оно и было: комиссар прекращал жрать, только когда спал или разговаривал с начальством.

– Кантен! Твою ж мать!

До чего тяжелый человек этот комиссар...

Он прибыл на авеню Фоша едва ли на две минуты позже инспектора и уже наэлектризовал всех своей тревогой, нервозностью, манерой метаться туда-сюда и раздавать направо и налево нелепые приказы, которые у него за спиной тут же спокойно отменял Васильев.

Росту в Оччипинти метр шестьдесят три, но он полагает, что этого недостаточно, и носит подпяточники. Это человек, для которого человечество делится на тех, кем он восхищается, и тех, кого ненавидит. Он поклоняется Талейрану, чьи афоризмы старательно цитирует из сборника высказываний, книг Андре Кастело или номеров «Ридерз дайджест». Дни напролет он горстями жрет из кулька арахис, фисташки или кешью, что довольно трудно выносить. А самое главное – он совершеннейший кретин. Из тех ничтожных и лицемерных чиновников, которые всем обязаны своей глупости и ничем – таланту.

Они с Васильевым друг друга ненавидят.

С тех пор как они работали вместе, Оччипинти был одержим идеей пригнуть Васильева, потому что находил его слишком высоким. Хотя инспектор был не из тех, кто причи-

няет беспокойство кому бы то ни было, его начальника одолевали навязчивые идеи, так что он с самого начала ухитрялся подложить Васильеву свинью. Подобно всем злопамятным людям, Оччипинти обладал острой интуицией на то, что могло бы не понравиться другому, и поручал Васильеву все, что вызывало у того ужас. Поэтому Рене удалось отхватить несметное количество изнасилований с последующим убийством (или наоборот). В результате он сделался настоящим специалистом по этой части, что позволило комиссару спихивать на него все подобные дела, ссылаясь на его высокую компетентность в этой области. Васильев ко всему этому относился философски. Можно было бы с уверенностью сказать, что на своих плечах он держит всю тяжесть мира. «Поэтому он сутулится», – утверждал Оччипинти.

На авеню Фоша между ними на мгновение наступило перемирие. Перед телом – точнее, перед тем, что от него осталось. Они всякое видали, но сейчас оба были под впечатлением от зрелища.

– Тут тяжелая артиллерия, – бросил комиссар.

– На мой взгляд, сорок четвертый «магнум», – ответил Васильев.

Этот калибр может остановить бегущего слона. Повреждения в области таза и горла представляли сложную задачу для только что прибывших специалистов криминалистической бригады.

Васильев пребывал в сомнениях.

Способ убийства говорил в пользу преступления страсти: без весомых причин по яйцам не стреляют. То же можно было сказать и о пуле в горле – такое не каждый день встречается. Да еще такса... Выстрелить в упор... Здесь просматривалось явное ожесточение, яростное желание истребить, свидетельствующее о жажде мести, об исступлении... Однако место, время и использование глушителя (никто ничего не слышал, выгуливавшая собаку соседка случайно обнаружила тело) скорее указывали на предумышленное убийство, холодное, спланированное, почти профессиональное.

Криминалисты делали фотографии. Неизвестно, кто предупредил репортеров, но те уже прибыли со своими аппаратами и вспышками, а один держал камеру; приехало телевидение с явно боевитой журналисткой. Комиссар заглотив горсть фисташек – что поделаешь, наверняка нервы.

– К ним пойдете вы, – сказал Оччипинти, который выставился перед камерами, лишь когда видел в этом выгоду. – Только поосторожней, без глупостей!

Васильев отправил коллег опросить свидетелей, если таковые имеются, что было бы удивительно.

Затем прибыл судья, и Васильев под шумок попытался смотаться. Но судья окликнул его, и Васильев вернулся.

Они не были знакомы. Судья отдавал приказания. Это был молодой человек, который с опаской поглядывал на зевак и репортеров, сгрудившихся перед ограждением под охраной двух мундиров.

– Как можно меньше информации! – сказал судья Васильеву.

В этом все были единодушны. Кстати, это будет несложно, поскольку, кроме личности покойного, и сказать-то особо нечего.

Взять на себя семью придется судье и комиссару – повсюду кипела работа. Васильеву достались самые сливки: криминалисты и бригада, которой было поручено обследовать окрестности и опросить свидетелей, если таковые имеются...

Васильев был фаталистом, поэтому подошел к журналистке, которая вот уже битый час махала ему рукой, пытаясь привлечь его внимание.

Все дела, даже неприятные, имеют завершение.

Наконец вернулись все бригады – в основном ни с чем, – криминалисты собрали свое оборудование и унесли тело, мощные прожекторы были выключены, и авеню опять погрузилась во тьму. Майская ночь снова вступила в свои права, было уже поздно, двадцать три тридцать. Васильеву удалось избежать пытки Нейи – уже плюс. Для очистки совести он набрал номер сиделки, чтобы пообещать, что приедет завтра.

– Можете приехать сейчас, – ответила она. – Мсье проснулся и будет рад вас видеть.

Вот ведь бывают же дни, которым конца не видно!

Поскольку Анри Латурнель когда-то руководил подпольной организацией Сопротивления на юго-западе Франции, в глаза его называли «командир», а за глаза — «этот командир». Семидесятилетний мужчина, сухой и даже несколько бесчувственный, как бывает в старости с эгоистами и фанатиками, но также и с людьми, которым довелось пройти через множество испытаний и выйти из них закаленными. Под растянутым воротом сорочек он носил шелковые фуляры. Его совершенно седые волосы и повадки командующего батальоном в индийской армии, если прибавить их к прозвищу «командир», придавали его личности нечто упадническое, как у тех разорившихся дворянчиков, которые считают последние су в роскошных отелях и к которым тамошние служащие обращаются «господин граф», исподтишка пихая друг друга локтями. Тем не менее никто не считал достойным насмешек этого старика с лицом, состоящим из острых углов, этакой маской решительности и непоколебимости. Командир одиноко жил в фамильном доме близ Тулузы и, вопреки представлениям, не увлекался ни лошадьми, ни гольфом, никогда не употреблял спиртного и был неразговорчив. Многие люди по отношению к возрасту испытывают одну и ту же проблему: они или отказываются признавать годы и становятся трогательными, или горделиво выставляют их напоказ и тогда

выглядят нелепыми. Анри Латурнель безусловно относился ко второй категории, но был сдержан, что делало его менее гротескным, чем прочие. Просто несколько старомодным.

Сидя в кресле перед телевизором, он держал в руках большую черно-белую фотографию мужчины лет пятидесяти и ждал полуночных новостей. Та же самая фотография висела на экране со времени анонса последнего информационного выпуска. Затем мощные прожекторы ослепительным светом пробуравили ночную тьму и показали тротуар авеню Фоша. Журналисты прибыли вскоре после полиции. Кинооператоры успели установить свою аппаратуру и безостановочно снимали специалистов-баллистиков, которые, суетясь, как официанты в ресторане, торопливо делали замеры и со вспышкой фотографировали тело покойного. Так что припозднившийся телезритель получил право на несколько изображений, всегда сенсационных: труп, словно в спешке брошенный смертью, показное целомудрие при укрытии тела пластиковой простыней, затем последующая его эвакуация, носилки на колесиках, которые подкатили прямо к машине «скорой помощи», и наконец, сухой щелчок захлопываемой задней двери. Последний акт. Занавес. Объективы камер с удовольствием задержались на кровавом пятне, которое заканчивалось тонкой струйкой в водосточном желобе. Тактичность, секрет которой известен только прессе.

Мигалки окрашивают голубым фасад и окна здания. Журналистка с телевидения подводит итоги преступления, о ко-

тором нечего сказать, кроме следующего: на пороге своего парижского дома только что убит Морис Кантен, глава международного концерна и влиятельный человек. Здоровенный верзила – инспектор уголовного розыска невнятно промямлил несколько слов. Анри терпеливо ждал, он был встревожен.

Можно вообразить множество самых разных причин для такого преступления и сказать, что, увы, наверняка найдется с десяток людей, желающих смерти столь известного человека, однако пока все, что можно сказать, содержалось в одной-единственной фразе: Морис Кантен был убит, когда возвращался после вечерней прогулки со своей собакой. Способ, которым было совершено преступление, представлялся столь же оскорбительным, как и само убийство. Нет никакой необходимости ждать результатов вскрытия, чтобы понять, что в Мориса Кантена было выпущено несколько пуль: одна – в нижнюю часть живота, другая – в самое горло, отчего он в прямом смысле почти потерял голову. Если добавить к этому, что его собака тоже стала жертвой убийцы, получив неслабую дозу свинца в морду, можно предположить, что здесь очевидно присутствует что-то личное. В данном случае убийство равносильно истреблению. Чистого преступления не бывает, однако некоторые пахнут ненавистью больше, чем другие.

Командир вздохнул и прикрыл глаза. «Вот дерьмо», – подумал он. А это было совсем не в его правилах.

Матильда только что поела сардин. Разумеется, она не имела права, но это награда, которую она даровала себе за успешно выполненное задание. Она всегда успешно выполняет задания. Теперь она смотрела телевизор и подбирала из банки остатки масла. Она сочла, что в жизни этот тип выглядел лучше, чем на фотографии в телевизионных новостях. Во всяком случае, до тех пор, пока не вмешалась она. Матильда сожалела, что недостаточно сказали о его таксе, — можно подумать, там, на телевидении, собаки вообще никого не интересуют!

Она тяжело поднялась со стула и, пока на экране крупным планом показывали следы крови на тротуаре, прибрала на своем краю стола.

Покинув авеню Фоша, она проехала по мосту Сюлли — своему любимому. Она знает все парижские мосты — не осталось ни одного, с которого за последние три десятилетия она не выбросила бы в воду пистолет или револьвер. Даже после заданий в провинции; она никогда не говорила об этом Анри. Вот такая у нее причуда. Матильда с улыбкой покачивает головой. Эта женщина охотно умилялась собственным маленьким странностям, — можно подумать, она их лелеяла. Так вот, даже после заданий в провинции, вопреки правилу, которое требовало, чтобы доверенное ей оружие

было выброшено как можно скорее, она всегда привозила его в Париж. Чтобы бросить в Сену. Потому что это приносит мне счастье! Не стану же я, черт возьми, расставаться со своим талисманом ради идиотского правила, установленного каким-то лысым стариканом! То же самое касалось инвентаря. Она отказывалась работать с мелким калибром, который, на ее взгляд, хорош только для буржуазных драм и семейных разборок. А добиться крупного калибра оказалось не так-то легко – ей прямо-таки пришлось сражаться с отделом снабжения; похоже, руководство было в нерешительности. «Либо так, либо никак!» – сказала Матильда. А поскольку она ценный кадр, руководство уступило – и правильно сделало! У Матильды никогда не бывает осечек, она работает чисто, без промахов. Сегодняшний вечер был исключением. Фантазией. Разумеется, она могла бы действовать с более дальнего расстояния, нанести меньше повреждений и выпустить всего одну пулю. Просто не знаю, что на меня нашло. Если ее спросят, она именно так и ответит. Впрочем, это не важно, главное – этот тип мертв, верно? Это даже преимущество, если подумать! Теперь полиция пойдет по ложному следу. А это отводит подозрения, работает на безопасность клиента! Так она и скажет! А что насчет собаки? У Матильды не было никаких затруднений с объяснением: вы представляете себе горе бедной таксы, вынужденной жить без своего обожаемого хозяина? Уверена, если бы песика спросили, он бы предпочел тоже уйти, чем остаться одному и умирать от тоски.

Тем более в семье, которую он не выбирал, где никто его не любит, в которой только и думали бы, как поскорее сдать его в собачий приют! Вот! Так она и скажет.

Значит, нынче ночью это был мост Сюлли.

Чтобы припарковаться, она нашла местечко на улице Пу-летье и привычно пошла в своем легком плаще прогуляться по мосту, а потом облокотилась на перила, чтобы бросить «дезерт игл» в воду.

Тут Матильду посетило сомнение: она его бросила или только подумала, что сделала это?

Ладно, не важно, пора спать.

– Людо!

Пес неохотно поднялся, потянулся и последовал за ней к двери, которую она приоткрыла. Он подошел, поднял морду. «Какое же все-таки чудо», – сказала себе Матильда.

Заросли туи справа отделяли ее владения от сада мсье Ле-пуатевена. Она считала его придурком. Так часто бывает с соседями, думала она. Почему-то ей всегда попадаются придурки, и этот не исключение. Лепуатевен... Одна фамилия чего стоит...⁶

Осознав, что рука машинально теребит в кармане клочок бумаги, она вытащила его на свет. Почерк ее. Координаты цели на авеню Фоша. Вообще-то, она не должна ничего записывать. Когда она следит за кем-то, чтобы составить план действий, надо все хранить в голове – таково правило. Ру-

⁶ В переводе с французского фамилия означает «житель Пуату».

ководство запрещает что-либо записывать. Ладно, пойду на небольшую сделку с законом, сказала она себе, ничего особо опасного. Не пойман – не вор. Она скомкала бумажку, поискала, куда бы ее выбросить. Придется сделать это потом. Большой сад дремал. Матильда любит этот дом, она любит этот сад. Правда, немного обидно, что она давно живет здесь одна, но так уж вышло. Подобные мысли так или иначе привели ее к Анри. Командиру. Да ладно, сейчас не время жалеть себя.

– Людо!

Пес возвратился, Матильда заперла за ним дверь, на ходу подхватила пистолет с глушителем, который, приехав, выложила на стол. Она выдвинула ящик кухонного стола, но там уже покоился девятимиллиметровый «люгер-парабеллум». Лучше положу в обувную коробку, подумала она. Она выключила свет, поднялась в спальню и открыла гардеробную. Бог ты мой, что за бардак! Раньше она умела наводить порядок, а теперь... Точно как в кухне: прежде все было чисто, надраено, нигде ни пятнышка. А теперь – Матильда и сама это прекрасно знает – она распустилась. Пройтись с пылесосом – это еще туда-сюда, но на остальное у нее не хватает усердия, энергии. А вот пятна она ненавидит. Жирные, кофейные. Разводы. Этого она не выносит, но мытье стекол стало для нее настоящим мучением. Впрочем, она их больше не моет. Если она не положит этому конец, ее конура скоро превратится в... Матильда гонит от себя эту противную

мысль.

В первой коробке обнаружился «уилди-магнум», во второй – парабеллум «ЛАР Гризли», еще дальше – пара бежевых туфель, которые она больше никогда не наденет – у нее теперь опухают ноги и подобные штуковины с ремешками сверху чертовски больно давят. Она бросила туфли в корзину. Чтобы запихать «дезерт игл» в коробку, надо снять глушитель. В доме наверняка полно оружия – по правде сказать, ей это ни к чему. Так же, как наличные деньги, – она засунула в гардеробную здоровенный пакет, когда-то это казалось необходимым, но ни разу не пригодилось. Ее могут обокрасть; следовало бы положить всю наличность в банк.

Когда Матильда чистила зубы, она вновь увидела себя на мосту Сюлли.

Ах, если бы она не выбрала свою деревню, как бы ей нравилось жить в том квартале! Средства бы у нее нашлись, учитывая то, что есть на ее счете в Лозанне. Или в Женеве, она уже и забыла. Нет, в Лозанне. Да какая разница! Неожиданно она вспомнила об оставшейся у нее в кармане бумажке – завтра разберется. Хотя нет, Матильда порой вольничает с правилами, но не будет рисковать понапрасну. Она заставила себя спуститься. Людо свернулся клубком на своей лежанке. В какой одежде эта проклятая бумажонка?.. Матильда шарила в плаще и ничего не находила. В домашней куртке! Она наверху. Матильда снова поднялась по лестнице – тяжело. Вот куртка. И бумажка! Она опять спустилась, подошла

к камину, чиркнула спичкой и сожгла свою записку.

Теперь все в порядке.

Она снова поднялась к себе в спальню и улеглась в постель.

По вечерам она читает три строчки и засыпает.

Чтение и я – вот и пара.

* * *

Тебе открыла дверь прежде, чем Васильев позвонил.

– Он будет рад вас видеть.

Она совершенно счастлива – можно было бы поклясться, что это ее он навещает. Васильев извинился, что приехал так поздно. Она только еще раз улыбнулась. У нее говорящая улыбка.

Обычно по вечерам квартира погружена в несколько тягостный полумрак. От входной двери виден лишь длинный коридор, в который выходят темные комнаты, а в конце свет в спальне Мсье. Васильеву казалось, что вся жизнь здесь сведена к одному этому помещению, где слабо мигающая, когда ее видишь издалека, лампа только и ждет, чтобы погаснуть. А стоило пройти этот коридор, начиналась настоящая мука.

Нынче ночью он не заметил ничего подобного.

Тебе осветила почти все комнаты. Это выглядело не то чтобы очень радостно, но все же вполне терпимо. Рене пошел за сиделкой по коридору. В дальней спальне слышались

голоса...

Теви остановилась и обернулась к Васильеву:

– Я поставила ему телевизор. Иногда для него дойти до гостиной – целая история...

Это было сказано доверительным тоном, как бы в шутку.

Спальня изменилась. В ногах кровати был установлен телевизор, на одноногом столике букетик цветов; книги и журналы Мсье аккуратными рядами выстроились на стеллажах, а сложенные газеты лежали справа от кровати. Лекарства (целая аптека) теперь были не выставлены на круглом столике, а скрыты принесенной из малой гостиной японской ширмой... Казалось, изменился даже сам Мсье. Прежде всего, он проснулся, что в такое время случалось не так уж часто. Посвежевший, аккуратно причесанный, он сидел, опершись спиной о груды подушек и положив руки поверх простыни. При виде входящего Васильева Мсье улыбнулся:

– А, Рене, ну вот и ты наконец...

В его голосе не прозвучало никакого упрека, только облегчение. Подставив старику лоб для поцелуя, Рене не ощутил – еще один сюрприз – столь знакомого ему зловонного дыхания. Пахло... Да ничем не пахло, гигантский прогресс.

Телевизор был включен. Мсье указал на стул подле себя, и Васильев, прежде чем сесть, поискал взглядом, куда бы положить пальто. Теви подхватила пальто и унесла.

– Ты не слишком часто приходишь...

Разговор с Мсье быстро превращался в ритуал. Из года в

год ритм беседы задавали одни и те же фразы. В ней будет «Ты неважно выглядишь», затем «Не спрашивай меня о здоровье, рассказ затянется слишком надолго», «Ну и что новенького в полиции Республики?» и наконец «Не хочу тебя задерживать, малыш Рене, с твоей стороны и так очень мило, что ты заглянул, общество старика...» и так далее.

– Ты неважно выглядишь, малыш Рене.

Ну да, и это тоже, он всегда говорил «малыш Рене», даже когда к шестнадцати годам его протеже вымахал до метра восьмидесяти восьми.

– Как вы себя чувствуете?

В последнее время Мсье стал меньше жаловаться. С появлением новой сиделки он начал больше двигаться. Он старел, но выглядел не таким больным, как прежде. Вошла Теви с уставленным чашками и стаканами подносом и предложила ромашку, минеральную воду или «что-нибудь более... бодрящее?». Иногда она сомневается в некоторых словах и тогда произносит их с вопросительной интонацией. Васильев отказался, махнув рукой.

– Почти полночь, – сказал Мсье. – Время преступлений.

Это была постоянно повторяющаяся шутка Мсье, но сейчас она оказалась очень уместной, потому что своими скандальными титрами начинался ночной выпуск новостей.

Первым номером был Морис Кантен.

Рене сидел на стуле справа от Мсье, Теви – слева. Идиллическая картинка.

Когда лицо Рене, столь же смущенное, как при его появлении в квартире, возникло на экране, Теви взглянула на него. И улыбнулась. Рене повернулся к Мсье. Тот спал.

* * *

– Я приготовила лапшу. Азиатскую.

Рене уже собирался уходить, когда она предложила подогреть еду.

– Не знаю, любите ли вы...

Неподходящий момент, чтобы рассказывать о своем отношении к пище.

– По правде сказать, я...

Так что они поужинали за круглым столом в большой гостиной, устроили что-то вроде пикника.

Она была поражена, увидев лицо Рене на экране. Почти польщена.

– Вам поручено серьезное расследование!

Васильев улыбнулся. Определение напомнило ему о матери, для которой существовали музыка и серьезная музыка, кухня и высокая кухня, писатели и великие писатели. Вот настал и его черед оказаться в сонме великих.

– Ну, понимаете...

Ему хотелось выглядеть скромным, каким он и был на самом деле. Но он не мог помешать себе блеснуть, покрасоваться без особых затрат.

Сиделка оказалась гораздо более хорошенькой, чем он думал. Ее смеющиеся глаза подчеркивали сочный чувственный рот. Она была несколько полновата или скорее... – Васильев подыскивал слово – уютна, пришло ему в голову.

Она забавно, как-то даже насмешливо рассказывала о своем путешествии на судне из Камбоджи вместе с родными, о лагере беженцев, о непризнанных дипломах, о необходимости заново сесть за парту. «А французский язык, который я учила дома, был мало похож на здешний».

Они, сами не зная почему, говорили тихо, как в церкви, чтобы не разбудить Мсье. Васильев старался есть аккуратно, а это ему не всегда легко давалось.

– По-моему, он в хорошей форме, – сказал Рене.

Это прозвучало скорее как комплимент, чем как оценка. Теви не обратила внимания или сделала вид, что не поняла.

– Да, в последнее время он хорошо себя чувствует. Сам попросился выйти из дому. Знаете, он еще хорошо ходит. Мы гуляем в парке. Проводим там два часа, если погода позволяет. Ах да, я же вам не сказала: мы были в кино!

От этого известия Васильев пришел в полное изумление.

– Как вы... Автобус, метро?

– Ах нет, для него это было бы слишком долго. Я отвезла его на машине. Мой «Ами-шесть»⁷ выглядит не лучше, чем Мсье, – думаю, они примерно одного возраста, – но подвеска

⁷ «Ситроен-ами» – французский легковой автомобиль, выпускавшийся с 1961 по 1979 год.

еще в порядке, а для него это самое главное. Мы смотрели...
Ой, простите!

Она приснула в кулак.

– И что же?

– «Назойливый полицейский»...⁸

Они рассмеялись.

– Так вот, ему очень понравилось. Он сказал, что уже больше десяти лет не был в кино. Это правда?

– Не знаю, правда ли, но вполне возможно.

– Конечно же, он уснул, не дождавшись конца, но я думаю, это был хороший день. А позавчера мы ходили в...

Сиделка и впрямь говорила слишком много.

Провожая его к дверям, она сообщила:

– Мое имя, Теви, означает «та, которая слушает». Не похоже, я знаю...

⁸ «Poulet au vinaigre», буквально «Цыпленок в уксусе» – детективный фильм Клода Шаброля 1985 года.

6 мая 1985 года

По телефону голос у мадам вдовы Кантен был не слишком располагающим. Тщательная артикуляция, снисходительная интонация, изысканный лексикон – словно это не телефонный разговор, а демонстрация культурного уровня мадам.

Голосу соответствовал и вестибюль дома. Ковер начинался прямо от тяжелой входной двери. Верх чистоты – здесь не пахло мастикой, как в буржуазном жилище. Перешагнув порог, Васильев увидел величественную лестницу с медными полосками и лифт, резную деревянную кабину которого следовало бы отнести к историческим памятникам. В комнате консьержки за стеклом появился какой-то человек и молча уставился на посетителя. Атмосфера в здании была напряженной. Здесь всегда так или потому, что это дом покойника? Васильев успел заметить в комнате консьержки буфет в стиле Генриха II, покрытый салфеткой стол со стоящими на нем цветами и в нескольких шагах от него – маленького мальчика, который перестал играть с кошкой, когда отворилась дверь. Васильев не стал дожидаться лифта и поднялся по лестнице.

Горничная, довольно высокомерная особа вследствие мимикрии, часто встречающейся среди прислуги, которая в конце концов становится похожа на своих хозяев, долго разглядывала Васильева через приоткрытую дверь, прежде чем

впустить. Это была невысокая, иссохшая к своим пятидесяти годам женщина с недоверчивым взглядом. Васильев представился и вдобавок протянул свое удостоверение, которое горничная тщательно изучила, после чего неохотно пригласила его войти и велела «ждать здесь».

Богатая квартира. Видна разница между зажиточностью и привычкой к комфорту. Дизайнер не навязывал свой вкус, потому что здесь дизайнером было время, культура обитателей, фамильная меблировка, монаршие подарки, привезенные из путешествий сувениры... На стенах в рамках под стеклом – не репродукции, а подлинники. Васильев подошел поближе к одной акварели, узнав на ней гавань Онфлёра. Подпись ничего ему не сказала. Сюжет напомнил ему многое, и он разволновался, уловив в манере этой картины безмятежность акватории, странным образом нарушаемую угрозой, которая, казалось, исходит от мрачности домов с крышами из плоской черепицы. Голос мадам вдовы вырвал его из этих размышлений.

Было заметно, что эта красивая сорокалетняя женщина с самого детства ни в чем не знала недостатка, особенно в почитании. Продуманный макияж, твердая поступь, впечатление, будто она слегка торопится, – такая манера поведения свойственна вежливым людям, которые терпеливо вас выслушивают, однако имеют дела поважней. Васильев машинально пригладил покоробившиеся лацканы куртки и кашлянул (это была мужская версия жестов, которые произво-

дила мамаша при появлении господина де ла Осрей).

Мадам вдова внимательно изучала инспектора: на голову выше ее, но плечи сторбленные, костюм фабричного производства, да вдобавок не первой свежести. Она протянула ему руку: «Здравствуйте, инспектор» (никакого «господин») – и двинулась перед ним в гостиную, размеры которой, как показалось Васильеву, в три раза превосходили общую площадь его квартиры. Она устроилась на диване, а ему указала кресло, и он осторожно присел на краешек.

Мадам вдова наклонилась, открыла ларчик, вынула сигарету, прикурила ее от настольной зажигалки и тут вдруг заметила, что не предложила закурить своему посетителю. Она молча указала на ларчик, движением руки Васильев вежливо отказался. Он чувствовал себя представителем фондовой биржи.

Мадам вдова вела себя скорее как мадам с большим стажем, нежели как новоиспеченная вдова.

– Что я могу сделать для вас, инспектор?..

– Васильев.

– О, простите, я забыла.

– Прежде всего примите мои искренние со...

– Прошу вас, в этом нет необходимости.

Она выпустила дым через нос и изобразила любезную улыбку, которая, едва возникнув, мгновенно исчезла с ее губ.

– Ваш муж...

– Мой супруг.

Васильев не видел особой разницы.

– Наш союз был деловым, основанным на капитале и налоговых обязательствах, так что это мой супруг. Муж – это совсем другое. Он владел предприятиями гражданского строительства, у моего отца имелись цементные заводы. И три дочери. Впрочем, для моего отца это было одно и то же. Первая вышла за гражданское строительство, вторая – за речное судоходство и портовые доки, чтобы транспортировать и складировать строительные материалы. Последняя сочеталась с банком «Креди иммобилье», чтобы финансировать гражданское строительство.

Васильев довольно плохо разбирался в женщинах, хотя с несколькими все-таки встречался, но теперь напрасно рылся в памяти: ему не удавалось вспомнить ни одной, хотя бы отдаленно похожей на эту, овдовевшую вчера вечером.

– Думаю, вам хотелось бы больше узнать о жизни моего супруга. И разумеется, о моей...

– То есть...

– Я предлагаю сэкономить ваше время. Очень скоро вы обнаружите существование любовниц моего супруга. Что касается моих возлюбленных, на сегодняшний день в количестве трех, могу представить вам их список, чтобы избежать потери времени, оплачиваемого налогоплательщиками.

– Мне кажется, вы... довольно скептически относитесь к мсье Кантену, или я ошибаюсь?

Мадам вдова раздавила в пепельнице сигарету и прикурила следующую. Васильев продолжал:

– Однако способ, которым он был убит, наводит на мысль о какой-то истории страсти, понимаете?

– Прекрасно понимаю. Вы размышляете о мотиве супружеской измены и, безусловно, спросите, есть ли у меня... алиби, вы ведь так это называете?

– Мы ограничимся беседой о распорядке дня.

– Так вот, в то время, когда мой супруг был застрелен возле нашего дома, я с многочисленными друзьями находилась в секс-клубе фетишистской направленности «Нельская башня». Кстати, прелестный вечер, из тех, какие хотелось бы проводить почаще. Много мужчин, очень мало женщин. Мы закончили очень поздно. Мое пребывание в этом заведении может быть прослежено до всех необходимых подробностей, я там хорошо известна, это, если можно так сказать, мой второй дом.

Нисколько не смутившись провокационными откровениями мадам вдовы, Васильев достал блокнот.

– Чтобы избавить налогоплательщиков от лишних расходов, – сказал он, – не могли бы вы, прежде чем мы отправимся за подтверждением в это заведение, составить для меня список ваших друзей? Это было бы очень любезно с вашей стороны.

Мадам вдова просто кивнула, что довольно сложно было интерпретировать.

– Господин инспектор, мне ничего не известно про обычный способ убивать людей, и я не знаю, что вы находите особенно страстного в том, как убили моего супруга, но если я могу позволить себе...

Она на мгновение замялась, а возможно, хотела произвести впечатление.

– Ну разумеется, – подбодрил ее Васильев, – приветствуется все, что может оказаться полезным.

– Очень скоро вы столкнетесь с запутанным клубком связей, мутных жульнических афер, очевидно подозрительных доходов – и все это будет сведено к самой совершенной финансовой правдоподобности. Через очень короткое время карточки с именами лиц, питающих к моему супругу достаточно устойчивую ненависть для того, чтобы убить его, покроют стены вашего кабинета. Готова поспорить, что тогда вы иными глазами взглянете на то, как он умер, и обнаружите в этом больше ярости, нежели страсти.

– Понимаю.

Мадам вдова развела руками: и все?

В ответ Васильев недовольно поморщился – честное слово...

Мадам дала себе труд проводить его по коридору до входной двери. Это был неожиданный и запоздалый знак внимания, призванный сгладить впечатление от знакомства, которое, на ее взгляд, произошло не совсем так, как следовало бы.

– Насчет ваших друзей из «Нельской башни»: могу ли я получить список сегодня вечером? – спросил Васильев.

* * *

Командир взял пальто и клетчатую фуражку и вывел машину из гаража. Стояла хорошая погода, но он был в дурном расположении духа. Он плохо спал, то есть еще меньше, чем обычно. Он проехал километров двадцать до деревни, носящей странное название Монтастриук, и остановился возле телефонной будки в двух шагах от ратушной площади. Набрал номер, дождался второго гудка, повесил трубку и вышел из кабины.

В этом месте департаментская автодорога идет вдоль небольшой долины Жиру – ручья, который бахвалится тем, что на картах региона фигурирует как река. В лесистых окрестностях освещенные зоны чередуются с прохладными тенистыми участками, где почти всегда темно. Похоже, дорогой пользуется лишь горстка завсегдатаев. Это один из любимых маршрутов командира, и в те редкие случаи, когда он может позволить себе здесь проехать, он сожалеет, что приберег этот путь для особых обстоятельств. Сейчас как раз такой случай...

Он свернул к Белькастель, остановился возле телефонной будки на въезде в деревню, взглянул на часы и сделал несколько шагов. Раздался звонок. С некоторым раздраже-

нием он констатировал, что регламент соблюден не точно. Да, на три минуты раньше – это уже не точное соблюдение регламента. Но он не в том положении, чтобы делать замечания.

– Да...

– Мсье Буржуа?

Надо думать, этот псевдоним придумал не командир.

– Я боялся, что ошибся.

– Нет-нет, вы набрали правильный номер.

Ну вот, ритуал соблюден. Первый залп прозвучал без задержки:

– Что это за работа?

– Не всегда все проходит, как предполагалось.

– Сделано не чисто. А нам нужна чистая работа. Я бы предпочел не напоминать вам об этом.

Командир не ответил. Издалека, с другой стороны площади, до него доносилась музыка, знакомая мелодия, которая навеяла какое-то воспоминание. Он тряхнул головой, чтобы его прогнать.

– Вы гарант заданий, которые вам поручены, – продолжал голос в трубке. – Но вам известны обязательные условия. В случае брака подключаюсь я.

За свою жизнь командиру доводилось сталкиваться с самыми разнообразными трудными ситуациями. Он отмечал, что чем напряженнее была ситуация, тем большее безразличие он испытывал. Его разум анализировал каждую деталь,

фиксировал малейшее отклонение, изменяющее контекст, и во всех случаях он сохранял спокойствие. Он был человеком хладнокровным.

– Вы хотите, чтобы я подключился? – спросил голос.

– Нет, я выступаю гарантом исполнителя.

Он позвонил Матильде рано утром. Еще одно нарушение регламента. В данный момент упорядоченная жизнь командира пошла вразнос.

«Нет, нет, Анри, ты меня не разбудил. Говори!»

Она была счастлива слышать его. Еще один сюрприз.

«Какая-то проблема?»

Вопрос вывел Анри из себя.

«А ты как думаешь?»

Тон был холодный, резкий. Несколько секунд Матильда молчала.

«Ну не будешь же ты делать из этого историю!»

Она избрала шуточный тон.

Черт возьми, подумала она, я совершила глупость, ну и что теперь? А вслух добавила:

«Но ведь никакой трагедии, Анри, верно?»

Она покопалась в памяти, ничего не всплыло. Лучше было оставить инициативу ему.

«Я требую чистой работы!» – сказал командир, отдавая себе отчет в том, что повторяет слова своего шефа.

Чистой – что бы это значило? Казалось, на какой-то миг они оба задались этим вопросом.

Я что-то пропустила, подумала Матильда. И решилась:

– Это не что иное, как небольшой промах, Анри, такое больше не повторится...

Командир внимательно прислушивался к ее голосу, стараясь уловить малейший нюанс. Матильда действительно была удручена. Предоставить ей преимущество сомнения?

«Но зачем ты это сделала?» – наконец спросил он.

Матильда улыбнулась: легкая усталость, которую она уловила в его голосе, означала, что он передумал отчитывать ее. Уф...

«Бывают такие дни, Анри. Со всеми случается».

Воспользовавшись кратким молчанием, она добавила:

«Ты мне никогда не звонишь, да знаю, знаю! Протокол... Ладно, ты никогда мне не звонишь, но в тот единственный раз, когда ты это делаешь, ты звонишь только для того, чтобы меня упрекать... Согласись...»

Что вы на это скажете? То есть он не должен был звонить. Теперь настал его черед ощутить внезапную усталость. Не говоря больше ни слова, он повесил трубку.

– Ладно, – произнес голос в телефоне. – Мне было бы неприятно перезванивать вам по этому поводу.

– Я вас прекрасно понимаю, – согласился командир.

На обратном пути дорога вдоль Жиру показалась ему гораздо спокойнее, чем он сам.

А Матильда спустилась, открыла дверь собаке, сварила себе кофе. Этот звонок огорчил ее. За что Анри может ее

упрекнуть? Наверное, за «дезерт игл»... Вероятно, размышляет, избавилась ли она от оружия, как ей следовало сделать.

Она улыбнулась. Тебе прекрасно известно, Анри, что на обратном пути я всегда перехожу Сену по одному мосту! С чего бы вдруг я поступила иначе?

* * *

Дело повсюду занимало первые полосы. Поскольку ответственность за преступление взяли на себя лишь крошечные, не известные полиции группки, расследование было направлено на связи жертвы. Жизнь Мориса Кантена обсуждали все кому не лень, и предсказание мадам вдовы представлялось совершенно точным. Клубок его сделок и связей поражал своей запутанностью; количество операций, в которых он имел интересы или выступал посредником, было поистине несметным.

Комиссар Оччипинти, поначалу уверенный, что в руках у него наконец-то появилось дело, которое выведет его на министерскую орбиту (цель, воплощавшая его мечту о власти), незамедлительно был отброшен самыми разными, никогда не объясняющими свои позиции экспертами в сторону от налоговых, доверительных, биржевых и промышленных расследований, обыкновенно завершающихся на политическом уровне.

Убийство произошло в мае. Накануне сезона отпусков ко-

миссар Оччипинти стремился только к одному: поскорее избавиться от этого довольно дурно пахнущего дела.

Васильев был изгнан в конце первой недели, посвященной столь же изматывающим, сколь и бесплодным допросам огромного числа сотрудников, секретарей, помощников, советников и заместителей президента Кантена. Чиновники, которые отодвинули инспектора на задний план, не церемонились: Васильев не обладает твердым характером. Он ни на что не жаловался.

Самые секретные службы Республики раскинули свои сети и пришли к одному и тому же заключению, а именно: речь идет о контракте, и никто никогда не разберется до конца в этой истории. Вскоре она будет классифицирована и подшита вместе с делами покончивших с собой при неправдоподобных обстоятельствах министров Республики и префектов, убитых прямо посреди улицы в городах, раздираемых на части местными мафиозными группировками. В подобных историях, встречающихся гораздо чаще, чем кажется, нередко приходится подолгу дожидаться, прежде чем случайно обнаружится какая-то улика, позволяющая добраться до исполнителя преступления. Это оказывается не столь полезным, как хотелось бы, поскольку след, как правило, тут же и обрывается, а заказчик преспокойно продолжает спать сном праведника. Мнение широкой публики – как всегда, послушной девочки – соглашается как с неожиданностью, так и с неведением. Ее призывают другие срочные пробле-

мы. Сменит ли Платини клуб? Удастся ли Стефании выйти замуж за своего избранника?

Однако для прессы это дело по-прежнему остается обременительным. С одной стороны, журналисты склоняются к тому, чтобы попасться на нем (убит крупный предприниматель, это как преступление в оскорблении величества, отказываться жалко); с другой – сказать-то о нем нечего. Подобные обстоятельства никогда не останавливают настоящего журналиста, однако все-таки трудно поддерживать огонь, который так и норовит потухнуть. В прессе неоднократно появляются заголовки вроде такого: «Правда о деле Кантена», однако без серьезных доказательств. Этот тип, который и при жизни слыл не слишком покладистым, *post mortem*⁹ проявлял себя еще менее сговорчивым.

Довольный тем, что оказался вне игры, Васильев всегда с интересом читал материалы, посвященные Морису Кантену, потому что видел труп этого человека. Несмотря на годы практики, такие вещи по-прежнему волновали инспектора – он был человеком чувствительным.

Тогда он был далек от того, чтобы вообразить, будто эта тайна вскорости постучится в его дверь, и представить себе, какой ворох трагических последствий повлечет за собой такой поворот.

⁹ После смерти (лат.).

5 сентября 1985 года

Молодая женщина сильно нервничала. Она слишком громко и слишком часто смеялась. Она была очень худая. Констанция. Тридцати лет. В ее поведении чувствовалось что-то странно мужское – такое часто можно заметить в девушках, побывавших в тюрьме. Сотрудница учреждения наблюдала, как она сражается с капотом, который не желал закрываться. А Натан следил за этой сценой, не выражая никаких эмоций и не отвечая на смешки и гримасы Констанции. Он сохранял сдержанность, был почти холоден, он повидал немало подобных учреждений, это был тертый калач. Констанция только что купила детское автомобильное кресло и не знала, как к нему подступиться.

– Давайте я вам помогу, – предложила сотрудница.

– Нет, я сама справлюсь!

В спешке она ответила резко, почти неприязненно.

Сотрудница согласно кивнула: ну-ну...

А это было не так-то просто. Склонившись к заднему сиденью, Констанция потянула ремень, искала место закрепления, процедила что-то сквозь зубы, попробовала с противоположной стороны, потом еще раз; разумеется, это полный идиотизм, но если она не справится, значит она плохая мать. Она уже неоднократно чувствовала это по куче других поводов, и почти всегда, честно говоря, только потому,

что не успела научиться. Вот ведь парадокс: она почти пять лет ждала этого момента, но не смогла сделать ничего, чтобы к нему подготовиться. За это время много чего могло произойти. Пока она надрывалась, пытаясь закрепить низ кресла в стальных пазах заднего сиденья, Натан видел только ее обтянутую штанами с узорами крепкую попку и слышал, как она чертыхается. Неожиданно Констанция обернулась, чтобы взглядом извиниться перед сотрудницей и попутно улыбнуться ребенку, который безучастно стоял позади. В правой руке у него болталась фигурка Грендайзера¹⁰, с которой он не знал, что делать. Он не ответил на ее призыв и продолжал смотреть на нее пристально и отстраненно, почти равнодушно. Или даже злобно, Констанция не знала, но уж точно не приветливо. Потрясенная холодностью ребенка, она вернулась к своей задаче; ничего, это нормально, они ведь еще совсем не знают друг друга.

Натана отобрали у нее, когда ему было всего полгода. Тогда Констанция ударила инспектрису из социальной службы, которая пришла проверить их жилищные условия. Девятидневный запрет на работу. Поскольку ребенок родился от неизвестного отца, а Констанция уже немного побывала в заключении там и сям, власти тут же отняли у нее сынишку и запретили видеться с ним; она обращалась к судье, умоля-

¹⁰ *Грендайзер* – заглавный персонаж японского приключенческого анимационного сериала (1975–1977) режиссера Кацуматы Томохару, созданного по манге Го Нагая.

ла, но досье у нее было длинное, и хотя она и надела рубаху с длинными рукавами, чтобы никому не демонстрировать синих вен на руках, это никого не обмануло. Натан был помещен в первое заведение, затем в приемную семью, она даже не имела права навещать его и не знала, где он находится. В течение полугода она осаждала органы опеки, чтобы вернуть себе сына. Была внимательна ко всему, отвечала на анкеты, опросники, ходила на собеседования, соглашалась сдавать анализы мочи и крови; это свелось к постоянным уловкам, потому что ей так и не удалось завязать с наркотой. В тот период она жила с Самосом – она так никогда и не узнала, как его звали на самом деле. Потом была касса аптеки на улице Лувенны; за это она схлопотала пять лет. Забавно, но это придало ей силы. Присутствие Натана теперь витало над ней, словно целительное дуновение. Благодаря этому ей удалось завязать, она смогла воспротивиться влиянию сокамерниц, которые и в заключении торговали наркотиками. Хотя ей это было совсем не по нраву, она предпочла спать с Монной, главной смотрящей в тюрьме, и благодаря ей обрела относительный покой. Время от времени она получала известия о Натане, иногда даже фотографию – и все вызывало у нее слезы. Мужиковатую Мону это трогало, она делала вид, что они по-прежнему вместе, но больше ничего не требовала от Констанции, так что они стали почти подружками, насколько это возможно в подобном месте. Через три года Констанция получила условно-досрочное освобождение. Шесть

месяцев испытательного срока, без малейшего шанса забрать Натана. Она вернулась в департамент Сена-и-Марна, ей пришлось дважды сменить жилье, она познакомилась с одним или двумя типами, но, несмотря на это, не подсела снова на наркоту. Единственной целью ее жизни стало доказать, что она заслуживает, чтобы ей вернули сына. В конце концов она нашла квартиру по приемлемой цене и с комнатой для малыша. У Констанции не было никакого образования, так что она подрабатывала прислугой и ходила за покупками, отказавшись от всякой оплаты по-черному: ей нужны были договоры найма, счета, квитанции, чтобы иметь возможность все подтвердить, ничего нелегального, ничего, а это чертовски тяжкая задача, когда ты в самом низу социальной лестницы. Когда пришли инспекторы, она показала им только что заново выкрашенную детскую, кроватку и все такое, шкаф, одежды и даже игры. Пришлось снова сдавать анализы мочи и крови, и она, как стойкий и примерный солдат, сделала все, что от нее требовали.

Ей очень помогло агентство «Хатцер» по найму на временную работу. Мадам Филиппон. Ее растрогала ситуация и сила воли молодой женщины. Все клиенты были очень довольны. Надо сказать, что Констанция вкладывала в работу все свое исступление, все свое упорное стремление вернуть себе Натана. Это стало ее навязчивой идеей.

И наконец ее усилия были вознаграждены.
Судья вынес вердикт.

Констанция могла забрать Натана.

Ей нужно будет проходить проверки, заполнять анкеты и новые опросные листы, терпеть внезапные визиты, но она получила право поехать за сыном. И оставить его себе.

Она принесла в агентство по временному найму цветы, недорогой букетик, но мадам Филиппон, которая купила игру для малыша Натана, расплакалась от ее поступка: у нее внук примерно такого же возраста...

Под взглядами сотрудницы и ребенка Констанция упрямо пыталась закрепить кресло. Она купила его с рук, такие штуки довольно дороги. И теперь размышляла, не нагрели ли ее, не продали ли недоукомплектованное кресло, – может, в нем чего-то недостает, и при мысли о том, что без этого чертова кресла она не получит права уехать с Натаном, ей стало не по себе, ее охватил панический ужас.

– Вы точно не хотите... – отважилась снова спросить сотрудница.

Готовая разрыдаться Констанция посторонилась, и та очень любезно все сделала.

– Смотрите, надо подвести ремень под кресло и... Держите, просуньте руку сюда, нет, поглубже, давайте, сейчас вы нащупаете небольшой выступ. Нащупали? Если вы на него надавите, то услышите щелчок. Попробуйте.

Констанция попробовала, и у нее получилось. Она снова стала хорошей матерью.

Она заговорщицки подмигнула Натану, который и глазом

не повел. Он ведь не знает ее, эту девушку, а уж он столько самых разных людей повидал, с чего бы он вдруг разулыбался ни с того ни с сего. Тут нужен повод.

В багажнике, куда Констанция поставила его чемодан, Натан увидел что-то в подарочной упаковке. Он был уверен, что это для него, и задумался, скоро ли она решится отдать это ему. Едва приехав за ним, она сунула ему Грендайзера, такую штуку, которая его никогда не интересовала; он ничего не сказал, однако ему не терпится от нее избавиться. Хорошенькое дело, если и в пакете что-то подобное...

Его усадили в детское кресло, он не сопротивлялся. Констанция вообще не знала, что надо делать.

– Спасибо за...

Сотрудница улыбнулась:

– Не забудьте пристегнуть ему ремень безопасности.

Вот черт!

Констанция нырнула в салон, схватила ремень, протянула его перед Натаном. Для этого ей пришлось склониться над ним, и они впервые оказались так близко друг к другу. Это продлилось совсем недолго, и оба поняли, что это ключевой момент, но не знали, как следует поступить. Констанция крупным планом видела его серо-карие глаза, каштановые волосы, растущие низко надо лбом, такие тонюсенькие... Он был так прекрасен, что ей стало страшно. Натан ощущал запах Констанции – духи, которых он не знает, какие-то девчачьи штучки, слегка сладковатые. Ему очень понравилось,

но он не подал виду.

Путешествие прошло не слишком хорошо. Триста километров в машине до Мелёна.

– Сейчас остановимся и съедим пиццу, хочешь?

Но Натан предпочел бы «Макдак». Она говорила об их жизни, обо всем, что они будут делать теперь, когда они снова вместе. Навсегда. Но ребенок только критиковал: купленные ею конфеты, диски, которые она выбрала... Когда к полуночи Констанция прибыла в Париж, нервы у нее были на пределе. Вдобавок она поняла, что забыла отдать ему подарок, так и оставшийся в багажнике.

А вот Натан добрую часть пути только об этом и думал.

Когда они добрались до дому, он уже спал глубоким сном.

Констанция с удовольствием представляла, как они впервые окажутся в своей квартире. Она воображала, как Натан войдет в свою комнату, увидит мебель, игрушки, – а он крепко спал у нее на руках. Ему следовало бы сходить в туалет, почистить зубы. Если он этого не сделает, значит я плохая мать. Но она просто раздела его и укрыла одеялом, так что он даже не проснулся. До чего же утомительной была дорога! Ни от кого другого она не стерпела бы и десятой доли. Иногда было просто невыносимо, эта история с пищей, с гамбургером... Констанция упрекнула себя за это. Ребенок имеет право... Именно это говорил ей судья, когда она требовала, чтобы ей вернули сына.

Уже поздно. Завтра они целый день будут вместе, она все

распланировала: кино, пикник, но теперь она во всем сомневалась.

Констанция откупорила бутылку бордо. Как же она устала...

* * *

Теперь Васильев приходил два раза в неделю. Господин де ла Осрей продолжал говорить ему: «Ты не слишком часто приходишь...» Теви хихикала в кулачок. А Рене неловко оправдывался. Тем летом столбик термометра иногда поднимался очень высоко, и Теви приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы проветривать дом, чтобы Мсье – который, впрочем, ни на что не жаловался – легче дышалось. «Мы часто ходим в парк, – рассказывала Теви. – Мсье очень нравится читать там новости». Васильев уже давно не видел у Мсье такого количества газет. Прежде весь его кабинет был ими завален, затем интерес к ним прошел, а теперь вернулся.

Если взглянуть со стороны, Васильев был удивлен тем, какое место занимает молодая сиделка в этой квартире. Все свидетельствовало о ее присутствии: новые подушки, порядок в спальне Мсье, а еще – новые лампы. «В этой гостиной вообще невозможно было что-нибудь увидеть, вы согласны?» И амулеты. Совсем немного, но – Теви со смехом признавала это – она очень суеверна. Она окружала себя множеством самых разных фетишей, это сильнее ее. Так что

коробочки с бетелем в форме птичек, позолоченные дарохранительницы, головы апсар¹¹ или керамические копии головы Авалокитешвары из храма Плаосан¹² совсем заслонили коллекцию Мсье: бронзовые статуэтки XIX века, алебастровые пепельницы и деликатно-фривольные гравюры. Предрассудки Теви забавляли Рене и развлекали Мсье. Например, ей не особенно нравилась эта квартира. Не то чтобы она была неудобной, но на лестнице нечетное количество ступенек, «а это приводит в дом призраков». Теви и сама смеялась над своими суевериями, что не мешало ей в них верить. Однажды вечером – Рене уже не мог припомнить, с чего вдруг они коснулись этой темы, но начал точно не он – Теви завила его, что мужчине никогда не следует спать с женщиной, у которой выбрит лобок: «Это верный путь к серьезным проблемам». Рене покраснел, а она нет.

Когда зашел разговор о деле Мориса Кантена, Теви убежденно сказала, что тот наверняка не умер бы, если бы согласился нанести на тело сакральные татуировки.

– Не уверен, что татуировки могут быть надежной защитой от сорок четвертого «магнума», – рискнул возразить Васильев.

¹¹ *Апсары* («многоводные») – полубогини, духи облаков или воды, небесные танцовщицы в индуизме; изображались в образе прекрасных женщин, одетых в богатые одежды и носящих драгоценности.

¹² *Авалокитешвара* («Владыка, милостиво вззирающий на существа») – бодхисаттва буддизма махаяны, воплощение бесконечного сострадания всех будд, эманация будды Амитабхи. Храмовый комплекс Плаосан находится в Индонезии.

– А вот об этом, Рене, вы ничего не знаете!

Он спросил, задумывалась ли она о том, чтобы защитить себя сакральной татуировкой. Теперь покраснела она, так что Рене не знал, куда деваться... С тех пор наличие татуировок где-то на теле Теви не на шутку волновало его. Он не мог заставить себя не думать о том, что они должны быть расположены в каком-то сокровенном месте, и это всерьез его будоражило.

Они называли друг друга по именам, но оставались на «ВЫ».

Они разговорились о Морисе Кантене не потому, что в его деле появились какие-то новости, а потому, что господин де ла Осрей когда-то был с ним знаком.

– Дело было в «Жокей-клубе», за ужином, уж не помню, по какому случаю... Презабавный человек. Он бесконечно долго рассказывал нам про сафари, в котором даже не участвовал...

Визиты Васильева подчинялись ритуалу, во многом обаянному Мсье, но также и Теви. Оба были чрезвычайно привержены постоянству, привычке, установленному порядку. Сперва за рюмочкой чего-нибудь они болтали о пустяках, затем ели лапшу или овощной суп, после чего усаживались за большой стол в гостиной и играли в «желтого карлика»¹³. Теви выигрывала чаще других. Рене предполагал, что она жуль-

¹³ «Желтый карлик» – традиционная французская азартная карточная игра, особенно популярная в XVIII веке.

ничает; он никогда не пытался проверить, но ему даже нравилось, что она плутует. Когда это было незаметно, он позволял ей выиграть, а она очень радовалась, потому что победа доказывала справедливость ее предрассудков и верований.

В тот вечер Мсье вернулся к делу Мориса Кантена.

– Я уже давно им не занимаюсь, – сказал Рене.

– Еще одна история, преданная забвению, – произнес Мсье.

– Преданная забвению, – повторила Теви. Мысленно она всегда отмечала новые для нее выражения: повторение помогало их запомнить. Затем она пыталась использовать их, что не всегда бывало уместно, и Рене с извиняющейся улыбкой ее поправлял, а Теви никогда не обижалась.

После партии в «желтого карлика», когда Мсье засыпал, они оставались вдвоем в гостиной и болтали, так что, бывало, Рене уходил довольно поздно.

– Благодаря Мсье, – сказал Васильев, – вы знакомы с моей семьей на все сто, но никогда ничего не рассказываете мне о своей.

– Это не слишком интересно.

Однако Рене ждал продолжения, и молодой женщине пришлось добавить:

– Я хотела сказать, все совершенно банально... Семья есть семья. В Камбодже или во Франции это всегда почти одно и то же, верно?

Она явно не хотела распространяться на эту тему, вновь

заговорила о Мсье, о нынешней партии в «желтого карлика», и это напомнило Васильеву, что он хотел кое-что предложить.

– Я тут подумал... – сказал он. – Может, как-нибудь вечером мы могли бы сфотографироваться все вместе, что скажете?

– Сфотографироваться?

– Да, чтобы сохранить воспоминание об этих вечерах Мсье. Чтобы потом, когда... Ну, вы меня понимаете...

– О нет! – ответила Теви.

Вид у нее был такой возмущенный, что Васильев забеспокоился, уж не оскорбил ли он ее чем-нибудь.

– Сфотографироваться втроем – нет, это невозможно! Это приносит несчастье. Если мы это сделаем, один из нас троих вскоре умрет!

Оба подумали об одном и том же – о возрасте Мсье, – и их разобрал безудержный смех. Это был отличный вечер. Впрочем, все вечера были приятными, если не считать того, что два раза в неделю Рене ел что-то другое, а не консервы и быстрозамороженные продукты.

Когда Теви провожала его к дверям, Васильев осмелился:

– Скажите, Теви... Мсье не заговаривается?

А поскольку Теви нахмурилась, услышав незнакомое выражение, он покрутил указательным пальцем у виска.

В тот вечер дважды, когда речь заходила о Морисе Кантене, Мсье говорил, словно только что вспомнил:

– Знаете, я ведь прежде был с ним знаком. Как-то мы встретились за ужином в «Жокей-клубе». Он бесконечно долго рассказывал нам про сафари, в котором даже не участвовал...

Теви тоже об этом вспомнила. Однако не сказала Рене, что заметила у Мсье и множество других признаков. Она ограничилась тем, что снова хихикнула, прижав кулачок к губам.

– Да, иногда слегка «заговаривается»...

Уходя, Васильев наклонился и поцеловал ее в щеку.

* * *

Еще с прошлого мая, после катастрофического дела Кантена, Анри Латурнель был по-прежнему сильно озабочен состоянием Матильды. Разумеется, он ей не перезвонил и ничего о ней не знал, как обычно и бывало, но на сей раз это его почему-то очень беспокоило. Отсутствие контакта – в порядке вещей, таково правило; а контакт – исключение. Однако его печалило, что он ничего не знает. Что-то с ней не так? Что-то могло усложнить работу? Разумеется, его беспокоил не только этот вопрос, но и сама Матильда.

Он не решался признаться себе, но все это давалось ему очень нелегко. Насколько сильно он ее любил? Он погрустнел еще больше. Он страстно любил ее. Но всегда издалека.

1941 год. Матильде девятнадцать, она прелестна. Ничего общего с той некрасивой толстухой, в которую она превра-

тилась.

В Сопротивление ее привел Кудрей, товарищ, которого потом очень быстро убили. Анри, только что создавший сеть Имоджин, давал ей небольшие задания: отнести чемодан, отследить адрес, передать сообщения; она хорошо зарекомендовала себя.

В 1941 году под видом медсестры она сделала все от нее зависящее для удачного побега троих товарищей, арестованных тулузским гестапо. Она отличалась поразительным хладнокровием, ничто не могло испугать ее.

И вот наступил тот день 1942 года, когда сеть по большей части была разрушена по причине одной из тех досадных случайностей, в которых никто не виноват, но которые уничтожают личный состав. Анри помнил этот роковой день, когда уцелевшим пришлось мобилизоваться, чтобы остановить внезапный мощный успех немецкой разведки. Необходимо было действовать быстро, очень быстро, изъять документы, предупредить товарищей, предотвратить утечку информации, организовать транспортировку оружия, информировать смежные сети, во всем соблюдать полнейшую секретность... В тот день Матильда сотворила чудо. Занятый по горло Анри поручил ей проверить, находится ли под наблюдением гестапо склад оружия. Точно восстановить события ему удалось только гораздо позже, когда страшная угроза миновала. Матильда на месте обнаружила поблизости от хранилища скрытое наблюдение. Они вдвойне рисковали:

видеть, как склад будет захвачен, или же быть арестованными при попытке его защитить. У них была одна-единственная машина. Немецкая разведка сработала быстро, однако подкрепление, необходимое для организации засады, еще не прибыло. Тогда Матильда позвала Роже, славного парня, настоящего бандита, который на своем пустом грузовике, развозившем овощи и фрукты, примчался так скоро, как только мог. Меньше чем за двадцать минут они с Матильдой перегрузили в фургон все содержимое склада. «Малышка не произнесла ни слова, вот так вот!» – с восхищением рассказывал Роже. Они уехали по главной улице. Какое-то мгновение Роже сомневался, стоит ли на нее выруливать, – там как раз находился автомобиль наблюдения. «Она была чертовски уверена в себе...» Но ничего не произошло. «Я паниковал...» Та машина не стронулась с места. Только спустя полчаса прибывшее немецкое подкрепление обнаружило на переднем сиденье двух убитых агентов, которым было поручено наблюдение за складом.

Анри не оценил этой инициативы. Тем более что ответные действия последовали очень быстро. Однако ему пришлось согласиться, что склад спасен. Он так и не научился справляться с этой бухгалтерией войны. Но с тех пор стал смотреть на Матильду другими глазами. Зато она оставалась все той же: спокойной, немногословной, хорошенькой – Анри до безумия хотел ее. Они непрестанно флиртовали, их пальцы соприкасались, но ничего не происходило. Анри интересно

было бы знать, как она живет, однако она мало что рассказывала. Он не мог сопоставить образ этой хрупкой и гибкой, как цветок, девушки с убийством двоих мужчин в автомобиле. Он постоянно размышлял об этом, но не хотел спрашивать ее: боялся ответов. Должно быть, она забралась на заднее сиденье, убила первого ударом ножа в горло, а потом зарезала второго... А может, она действовала двумя ножами, по одному в каждой руке? Воспользовалась ли она своим обаянием, чтобы приблизиться к ним?

Потом, много позже, были другие ситуации, произошло много всякого, эпизод с Герхардом... Красивый парень, ариец чистой воды, уверенный в себе, фанатик до мозга костей... «Позвольте мне...» Он уже был в чудовищном состоянии, и товарищи, которые им занимались, отказались. «Позвольте мне...» Они находились в сарае, вдали от всего, пора было уходить, следовало избавиться от этого немца до наступления ночи. «Позвольте мне...» Уверенный, не терпящий возражений голос Матильды. Ни тени сомнения. Анри дал слабину – он согласился. Потребовал только, чтобы с ней остался вооруженный мужчина. Таково было его условие. Остался Жиль – Анри вспомнил его имя. Остальные ушли, оставили их, Герхарда и Матильду, наедине. «Ты можешь зайти к моим родителям? Чтобы они попусту не волновались».

Анри зашел к доктору Гаше, ему открыла жена доктора, он их успокоил – они ему доверяли.

Спал он плохо. На следующее утро, встревоженный, он появился первым, на рассвете. Товарищ из охраны дремал на сене у начала дороги – автомобиль Анри разбудил его.

– Он мертв, – доложил товарищ.

Выглядел он оглоушенным, наверняка от усталости.

– Где Матильда?

Ни слова не говоря, Жиль указал на сарай. Анри бросился туда, рывком распахнул дверь, Матильда проснулась.

– Ты напугал меня, – сказала она, поднимаясь.

Она одернула юбку, словно выходила из-за стола. Она протянула ему лист бумаги, он узнал ее почерк. Судя по черным следам у нее под ногтями, воды там не было, колодец давно пересох. «Здесь все», – сказала она. Два имени, дата, место, с десятков слов. Он прошел в глубину сарая, там светила подвешенная к балке на шнуре лампочка. Земля возле стола была влажной, она впитала много крови. К тому же распростертый солдат был белым, выпотрошенным, как рыба. Анри стошнило. Все пальцы рук и ног грудой валялись в ведре, должно быть служившем для дойки коров, когда ферма еще существовала. Вместе с глазами, яичками и чем-то еще, чего ему не удалось опознать.

– Я смертельно устала, можешь попросить Жилия проводить меня?

Она была здесь, она улыбалась. Она ждала похвал? Нет, не этого она хотела. Она собрала свои вещи, обернулась и посмотрела на Анри. Это лицо отпечатается в его памяти

и будет возникать перед ним всякий раз, когда что-то вот-вот должно будет произойти между ними. Это не было лицо уставшей женщины – это было лицо женщины... удовлетворенной.

Во дворе Жиль признался Анри:

– Я ушел... Я не мог больше это слышать, понимаешь? – оправдывался он.

– Ну что, пошли? – спросила Матильда.

Жиль опустил глаза и направился за сарай, к своей спрятанной машине. Матильда поцеловала Анри в щеку и пошла прочь. Эта фигура совратила бы и святого.

После в группе ничто уже не было как прежде.

Матильда была... Анри пытался подыскать слово. Когда речь шла о той Матильде, времен войны, слов требовалось немало.

История с двумя прирезанными солдатами порядком поразила товарищей, но ночью Матильда в компании сержанта окончательно парализовала сеть. С тех пор бойцы четко разделились на тех, кто категорически отказывался с ней работать, и тех, кто перед ней преклонялся и был ей безгранично предан. Она была призраком и тайной советчицей, музой и талисманом, богиней и дьяволом. Тогда Анри особенно поразило то, что многие мужчины стали желать эту женщину. Уступала ли она их ухаживаниям? Никто не похвастался.

Никто не знал, кто такая на самом деле эта Матильда. Другого Герхарда никогда больше не случилось, но, если требо-

валось убить солдат или коллаборационистов, она всегда была тут как тут. Как будто это ее законное право. При этом она отдавала предпочтение холодному оружию. «Не так заметно, не так шумно», – говорила она.

Там, где была кровь, была Матильда.

А потом...

В 1947 году Матильда вышла замуж за доктора Перрена. Великолепная церемония... После чего Анри и Матильда потеряли друг друга из виду. В 1951 году он получил сообщение о рождении Франсуазы. Они с Матильдой должны были увидеться в Лиможе, где она преподавала французский язык, но ничего не вышло, а потом все прекратилось – такая жизнь. В 1955 году они вместе получали медаль из рук министра.

И встретились спустя пять лет, на похоронах доктора Перрена. Народу было полно, Анри потерялся в толпе, но Матильда издали заметила его, подошла и пожала руку, как старому товарищу. В образе достойной вдовы Матильда была неотразима. Анри подсчитал: ей тридцать восемь. Она никогда не была такой красивой, такой привлекательной, черный цвет великолепно ей шел. Несколько недель Анри спрашивал себя, признается он наконец или нет. А что, если у нее кто-то есть? Десятки раз он снимал трубку, чтобы позвонить ей, брался за ручку, чтобы написать, но всякий раз отказывался от своего намерения. Честно говоря, Матильда пугала его.

В то время Анри много путешествовал. Он искал и нанимал специалистов, которых сам называл «отбросы общества»: бывших вояк, вышедших в тираж отставных легионеров, замешанных в прибыльных преступлениях, – а для него это представляло большую трудность, потому что найти хорошего профессионала было почти невозможно. Всегда присутствовал какой-то дефект, мало встречалось людей по-настоящему продуктивных, на которых можно было положиться.

И вот в 1961 году ему в голову пришла идея. Он сам не понял, как это произошло, – это было озарение. Гениальный ход. Кто мог бы стать лучшей соратницей, чем зажиточная вдова с неоспоримым прошлым участницы движения Сопротивления? Он приблизил ее, отчего она прослезилась. Первое задание. Великолепно. Руководство в восторге. Тогда они почти перестали видеться – элементарная предосторожность, секционирование. Матильда поняла.

Время от времени они переговаривались из телефонов-автоматов. Задания следовали одно за другим, по три-четыре в год, но не реже. Некоторые за границей.

Иногда она брала с собой дочь Франсуазу, оставляла ее в отеле возле бассейна, отправлялась всадить пулю в голову женщине, нагнувшейся, чтобы поднять ключи от машины, и возвращалась – всегда элегантная, с покупками и подарками, которые она повезет в Париж.

За двадцать лет они встретились три раза. Анри неизмен-

но оставлял эти встречи на волю случая, как если бы случай имел какое-то значение в его жизни. Они повидались в Париже в 1962 и 1963 годах – это был сложный период, следовало урегулировать новые правила. «Расставить все по местам», как сказала руководство. Его представители хотели рассмотреть всех исполнителей, они снова взялись за досье своих сотрудников, кое-кого из них Анри больше никогда не увидит. Зато с Матильдой все прошло как по маслу...

В следующий раз они встретились в 1970-м. Матильда была в расцвете своих пятидесяти лет. Она сохранила гибкую фигуру и эту свойственную только ей походку: талия слегка подается вперед вслед за шагающей ногой; в этой манере двигаться было что-то необъяснимо текучее. Они поужинали в «Бристоле». Матильда сияла. Она по-прежнему оставалась для Анри неисчерпаемой тайной. Еще позавчера она была во Франкфурте – срочное задание, нельзя было терять ни секунды, тройной тариф, клиент напуган, ладно, им немедленно займутся. За дело взялась Матильда. Она вошла в гостиничный номер. Их было трое: мужчина и две женщины. Три выстрела за три секунды; четыре минуты спустя она уже покинула отель, а оружие и державшая его перчатка лежали в мусорной корзине на ресепшн.

– Так я же поехала на лифте! – сказала она Анри, которому хотелось знать, как ей удалось беспрепятственно выйти из здания. – Ведь не думаешь же ты, что я бы на шпильках стала спускаться пешком с пятого этажа!

Матильда искренне рассмеялась, она была неотразима. Для Анри это был великий день. Никогда еще он не испытывал такого острого ощущения, будто вот-вот наконец что-то произойдет, что они сейчас объяснятся... А вот и нет. Когда она села в такси, чтобы ехать домой, Анри почувствовал, что силы оставили его. Это было пятнадцать лет назад.

И чем больше Матильда старела, тем совершеннее казалась эта отговорка.

Матильда стала грузной и медлительной, зрение у нее сильно ухудшилось, с первыми признаками жары она начинала потеть, вела машину, сидя в полуметре от ветрового стекла, и напоминала все что угодно, только не то, кем она была на самом деле.

Не вызывающей подозрений.

До недавнего времени.

Тут мысль Анри, словно маятник, вернулась к делу Кантена: это был несчастный случай? Что она и подтвердила довольно туманными аргументами. Или же это была трудность... скорей организационного характера? Это опасение не отпускало его. Через несколько дней должен был поступить контракт на новое задание. В Париже. Он сомневался, поручать ли его Матильде. Сейчас он впервые сомневался.

* * *

Матильда – мечтательница. Иногда, если позволяет пого-

да, она достает садовое кресло и усаживается на крытой террасе перед входом в дом. Как старушка, говорит она сама себе. Она смотрит на деревья парка, на прямую аллею, ведущую к ограде.

Погрузившись в свои мысли, она может сидеть так целыми часами, до наступления вечера. Какого черта я делаю?.. У нее есть еще одна причина находиться здесь и ничем не заниматься: ее недомогание во второй половине дня. Всю обратную дорогу из Парижа ее тяжелое лицо дергалось от тика, раздражение на нем сменялось меланхолическим выражением, а потом без всякого перехода грустный и подавленный вид мгновенно вытеснялся насмешливой гримасой. Это зависело от того, думала ли она об Анри, ее дорогом Анри, о работе, которую он скоро должен ей поручить (до чего же тяжело ждать вот так, ничего не делая), или о беспорядке в доме, который она покинула, не прибрав в нем: он превратился в настоящий бедлам, надо бы мне как-нибудь пошевелиться, да уж ладно... Она заказала прислугу в агентстве Мелёна. Милая женщина, эта идиотка, попросила ее подробно описать, что ей надо сделать.

– Уборку в доме, вы вообще понимаете, о чем я говорю?

Той оказалось недостаточно, требовались уточнения.

– Вы когда-нибудь делали уборку у себя дома? – спросила Матильда. – Так вот, это то же самое, что у вас, только у меня...

Наверное, этот разговор измучил ее. Покидая агентство,

она была совершенно взвинчена.

Милая женщина дала ей адрес девушки, которая живет недалеко и ищет работу.

– Она умеет делать уборку?

– Все умеют делать уборку.

– Возможно, но есть те, кто умеет, но не хочет этого делать. Вот я, например. И у меня нет никакого желания связываться с кем-то вроде меня.

Милая женщина вздохнула:

– Это одинокая молодая женщина, очень усердная и бодрая, и ей нужна работа...

Ее звали Констанция Как-то Там. Матильда уже забыла, как они договорились, кто из них должен позвонить.

Она все еще была взвинчена, когда остановилась на парковке супермаркета, и тут вдруг ее охватила страшная усталость. Ноги стали ватными, силы внезапно покинули ее. Когда она выходила из машины, дурнота расплющила ее, как цветок. Она посмотрела на снующих по проходам людей с набитыми товаром тележками, но эти картинки дошли до нее совершенно искаженными. Ей понадобилось ненадолго опереться на крыло своего автомобиля и подождать, пока не отступит дурнота. Потом на смену боли в сердце пришла печаль, и она подумала, что сделает покупки позже, в другой раз, а теперь лучше вернуться домой. Оказавшись в салоне машины, почти у себя дома, она немного успокоилась и двинулась в сторону «Ла Кустель». Это название захотел дать

их владению ее муж, потому что так назывался другой дом, где он провел часть своего детства. Тогда Матильде не понравилось это имя, не говоря уже о том, что ее раздражало стремление доктора Перрена непрестанно привязывать все к былым воспоминаниям. Она уступила, потому что на самом деле это не имело никакого значения. Разве что теперь это название, которое ей по-прежнему не нравится, почти никто, кроме нее, не произносит. Даже ее дочь редко употребляет его — нельзя сказать, чтобы она очень любила этот дом; впрочем, она вообще ничего не любит, а уж ее муж — и того меньше, для него все, что не американское...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.